

Пространство города как место социально-исторической памяти

Научный руководитель – Вершинина Инна Альфредовна

Андреанова Виктория Анатольевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: vika_moskvich@mail.ru

Процессы глобализации и информатизации получают все большее влияние и распространение во всем мире. Они оказывают влияние на все сферы человеческой жизни - от экономики до культуры. Одним из наиболее значимых последствий является изменение социально-исторической памяти. Ускорение различных преобразований, изменение механизмов социализации делают особо актуальной проблему отношения людей и социальных групп со своим прошлым. «Ничто в современном мире не устареваает так быстро как знания, поэтому разрыв, который создается между личным опытом человека и социальной памятью предшествующих поколений, заставляет по-новому переосмысливать прошлое, искать новые стратегии его присвоения и освоения» [1, с. 1].

За последние 20 лет исследовательский интерес к социально-исторической памяти в обществоведческих дисциплинах устойчиво растет за счет расширения междисциплинарного проблемного поля. Основаниями для возросшего интереса к проблемам памяти являются: «стремительное изменение демографического ландшафта» (урбанизация), нефтяной кризис середины 70-х годов (П. Нора), глобализация и утрата традиционных форм сохранения памяти и национальной идентичности [2, с. 91].

Город - это пространство, в котором люди обустроивают жизнь, накапливают опыт и приобретают чувство идентичности [3]. Однако из-за постоянных динамических процессов, изменяющих привычный образ города, в том числе из-за установки и сноса тех или иных памятников, человек зачастую лишен возможности целостного восприятия городского пространства. В этом случае образ города в сознании человека избирательно замещается каким-либо характерным объектом среды: как правило, им становится определенная улица, площадь, памятник, получивший признание горожан [3, с. 79].

Социальная обусловленность индивидуальных воспоминаний столь же очевидна относительно города в том смысле, что историческая индивидуальность города социально обусловлена. Согласно данному подходу, любой исторический город репрезентируется как уникальный субъект памяти и истории, индивидуальность которого становится объектом и местом воспоминаний, знаний и переживаний посредством восприятия его культурных форм [3, с. 79].

Опираясь на труды классиков социологической урбанистики (А. Лефевр, Л. Мамфорд) можно убедиться, что развитие общества может представляться как развитие урбанистических форм социальной жизни, т.е. как анализ развития города. Пространство может послужить стимулом для различных действий в будущем, ведь оно тесно связано с ментальным и физическим пространством. «Деятельность, разворачивающаяся во времени, порождает определенное пространство и лишь в пространстве обретает практическую «реальность», конкретное существование» [4, с. 124]. А. Лефевр пишет о том, что «пространство, как продукт, служит инструментом как мысли, так и действия, что оно, будучи средством производства, является одновременно средством контроля, а значит господства и власти, но при этом, как таковое, в определенной мере ускользает от тех, кто его использует» [5, с. 27].

Итак, пространство содержит все это множество пересечений, для каждого из которых установлено свое место. Репрезентация отношений с властью также реализуются в пространстве: в зданиях, памятниках, улицах и произведениях искусства. Такие связи не лишены потаенных аспектов, т.к. нет власти без полиции.

Отсюда, социолог-неомарксист А. Лефевр, выделяет триединство, связанное с пространством города:

1) пространственная практика как область воспринимаемого пространства, включающая в себя производство и воспроизводство, отведенные места и пространственные множества;

2) репрезентации пространства как область понимаемого, связанные с производственными отношениями, с «порядком», который они устанавливают;

3) пространства репрезентации как область проживаемого пространства, предлагающие сложную (кодированную и нет) символику, связанную с потаенной, подпольной стороной общественной жизни, а также с искусством, которое в данном случае можно определить не как код пространства, но как код пространств репрезентации [4, с. 74; 6].

Социально-историческая память - это не только и не столько воспоминания о событиях, людях из прошлого, сколько сохранение их в настоящем через трансляцию социальной информации как ценностно-смысловой системы и передача ее от поколения к поколению [9, с. 78]. «Интерес к местам памяти, где память кристаллизуется и находит свое убежище, связан именно с таким особым моментом нашей истории» [7, с. 17]. Это поворотный пункт, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения. Чувство непрерывности находит свое убежище в местах памяти, которые находятся в городском пространстве.

Источники и литература

- 1) Аникин Д.А. Пространство социальной памяти: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. Саратов, 2008. 20 с.
- 2) Богданов В.В., Байлов А.В., Макарова Е.А. Социальная память как объект исследования // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2015. № 1(21). С. 85-94.
- 3) Богдановская И.М., Трегубенко И.А. Восприятие городских памятников в различных социокультурных контекстах // Вестник Герценовского университета. 2013. № 2. С. 78-86.
- 4) Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. М.: Streike Press, 2015. 432 с.
- 5) Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. 2002. Том 2. № 3. С. 27-29.
- 6) Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.
- 7) Нора П. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. унта, 1999. 328 с.
- 8) Ростовская О.М. Город как место памяти: методологический анализ // Ученые записки. 2013. Том 15. С. 105-110.
- 9) Социальное пространство современного города / под. ред. Г.Б. Кораблевой, А.В. Меренкова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 252 с.